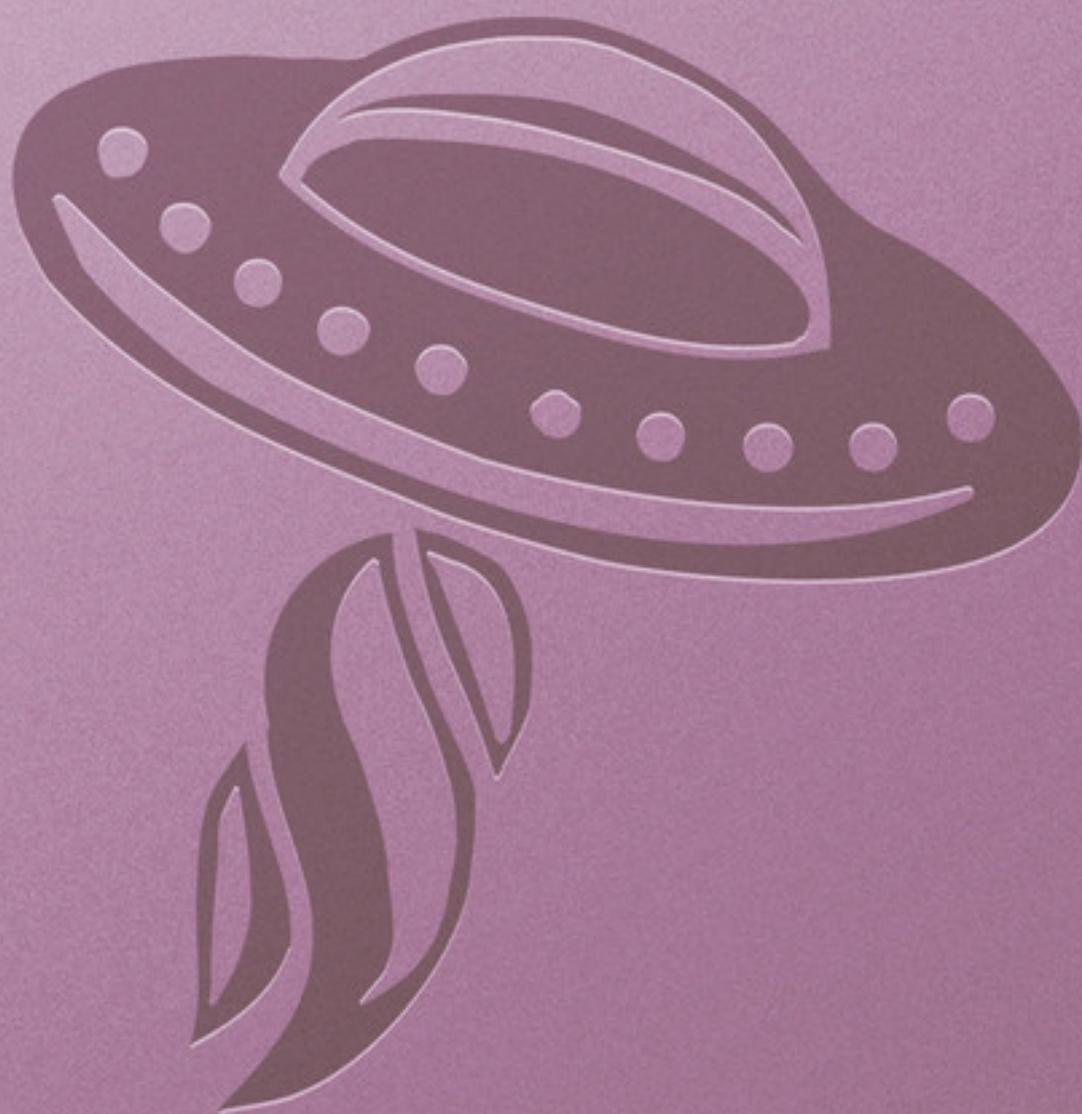

Александр Щёголев

Река

Александр Щёголев

Река

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Река / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр Геннадьевич»,

Добрая, позитивная мистика. Из далекого прошлого явился в наше время чудной город из песка, выстроенный древним мастером на речном пляже. Какие только силы, какие только интересы не переплелись вокруг этого чуда – от научных до коммерческих и даже криминальных. Однако была и невидимая сила – та, что хранила потешный город от алчных человеческих рук.

© Щёголев А. Г.

© Щёголев Александр Геннадьевич

Содержание

После заката	5
Вверх по течению	6
Тихая заводь	8
Вверх по течению	9
Тихая заводь	11
Вверх по течению	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Щёголев

Река

После заката

Похоже, этим вечером реку опять затянет туманом. Белесая муть двинется на берег, добавляя людям пугливой суеты...

А ведь берег и так пребывал в шоке. Горели электрические огни. Никто не жег костер, не играл на гитаре, не перебрасывался мячиком. Даже ужин они не готовили, довольствуясь холодными консервами, кои жрали по своим палаткам.

Мало того, люди боялись находиться в лагере – в опасной близости от объекта. И уезжать боялись: контракт есть контракт. И, уж тем более, боялись ходить к реке...

Утопленников давно подняли и увезли. Подпорченные водой тела лежали ныне в областном морге на каталках, ожидая своей очереди на секционный стол.

Оторванная голова так и осталась на дне. И правда, кому она была нужна?

А тот, кто был всему виной, сидел на скале, смотрел сверху на этот странный мир и пытался вспомнить, в какую сторону течет река.

От истока к устью?

Или как-то по иному?

Вверх по течению

Мастер и подмастерье жили на берегу.

Они жили хорошо, сытно. Мастер был энергичен, а подмастерье помогал ему умело и преданно. Из деревень им охотно несли заказы, не скупясь на оплату; даже из города приходили с той или иной работой – так широка была их известность. Жаль, характер у мастера был тяжеловат. Выковала жизнь в его душе безграничную уверенность в себе, но это казалось таким понятным и простительным, ведь, мало сказать, он был художником, – он был отмечен печатью громадного таланта. Подмастерье, напротив, нрав имел тихий и кроткий. Конечно, и его характер был в чем-то странен, однако в целом он слыл парнем спокойным и добрым; они с мастером чудесно уживались вдвоем – и работали дружно, и творили легко, и отдыхали весело. Они дополняли друг друга, как река и берег, потому что были очень разными людьми.

Подобно всякому истинному творцу, мастер жил ради великой цели. Он создавал памятник человеку, вернее, Человеку – с большой буквы. А еще точнее – Человеку, покорителю красоты.

Была у него также и мечта, спрятанная в глубинах возвышенного гения. Он страстно желал, чтобы имя его, образ его и слава засверкали в веках, – вот такая причуда.

Памятник являл собой фигуру атлета, побеждающего гигантский хищный цветок. Мощным стеблем обвивает этот цветок человеческое тело, оскаленной пастью тянется к шее героя, а тот вырывает его с корнями из земли, – и вянет страшное растение. Бессильно рассыпаются лепестки по плечам человека, покорившего красоту. Красота, по мнению мастера, была таинственным мистическим существом, о котором нельзя с уверенностью сказать, радость оно приносит или несчастье, свет пробуждает в умах или зависть, наполняет души новой силой или, наоборот, ослабляет людей в борьбе со злом. Поэтому единственно правильный способ обратиться к красоте на службу человеку – подчинить ее, вырвать с корнями и пересадить на ухоженный участок позади жилища. Вот какие мысли вкладывал мастер в свой памятник.

Медленно, но верно шел он к достижению цели: на этом пути необходимы были только труд, талант и упорство. Он высекал скульптуру из огромного камня, который тысячелетиями спал на вершине скалы, а скала эта вздымалась возле самой реки, высоченной стеной нависала над землями долины, поэтому каждый из живущих в здешних местах мог бы любоваться грандиозным сооружением.

Чтобы люди не забыли, чьими руками сделано это чудо, мастер собирался высечь на скале свое имя – точно под ногами каменного богатыря. Таким образом, мечта его тоже обретала зримые формы. Почти все дни, свободные от невыносимо скучных мирских заказов, он проводил на скале – забирался туда с безоглядной смелостью и жадно отдавался творчеству.

Подмастерье тем временем нашел себе увлечение, достойное его трудолюбия, но по сути, прямо скажем, странное. Он строил город из песка. Дом за домом, улица за улицей, терпеливо создавал он неподалеку от реки игрушечный мир высотой в половину человеческого роста.

Не только из песка, конечно. Чтобы город не смывало дождями и не разрушало ветрами, подмастерье делал смесь из глины, извести и песка, потом замешивал все это на яичных белках. А чтобы не зарастали его поделки всякой пакостью – добавлял отвар из трав, собранных в ближайшем лесу. Только затем из полученного раствора лепил здания, которые оказывались неподвластны капризам природы. Разумеется, подмастерье был не столь талантлив, как мастер, и потому не ставил перед собой никакой особенной цели. Он просто строил маленький город – на потеху деревенским детишкам. Заканчивая очередной дом, он сам радовался, как дитя.

Занятие его – точно так же, как главное дело мастера, – целиком поглощало свободное время. Кроме того, подмастерье тратил на свои глупости все деньги, которые платил ему

мастер. А чтоб интересно было гулять по песочным улицам, он напридумывал невесть что, придал облику города необычный, шутовской вид.

Детям эта затея очень нравилась! Целыми днями они ползали между диковинными постройками, прятались друг от друга, играли в игры, правила которых тут же и сочиняли... А более взрослые, убеленные годами путники, останавливаясь возле игрушечного города, качали головами и уходили по своим делам. Возвращаясь в родные деревни, они рассказывали, как на берегу реки возле Скалы Мастера какой-то блажной умелец лепит из песка потешные дворцы. И новые путники шли по берегу, натыкались на этот рукотворный мирок, рассказывали о нем родным, друзьям и встречным, и специально уже приходили люди – посмеяться, поудивляться...

Тихая заводь

Двое сидели на берегу.

Солнце медленно падало в сосновый бор. Песок был еще теплым. Со стороны лагеря неслись азартные вопли: ребята играли в волейбол. Конец рабочего дня, личное время.

– Саша, ты идиот, – говорил профессор Лямзин, сладко шурясь на закат. – Полжизни учился, чтобы остальные полжизни потратить на жесты. От жестов, пойми, ветер не поднимется, даже листики на дереве от жестов не шелохнутся...

Содержание журчащего монолога было традиционным, как эта река, как скала, как танцующий ножик в руках молчаливого слушателя.

Впрочем, профессор имел право на такие слова и на подобный тон. Начальник экспедиции, как-никак; более того – руководитель реставрационной мастерской. Доктор искусствоведения. А его подчиненный, художник-реставратор, еще со студенческих лет ходил у профессора в любимчиках, так что нет ничего необычного, если учитель решил вогнать ученика в ум.

Учить кого-то – было для этого человека лучшим отдыхом.

– ...Твои чудачества, мой милый, защищают тебя только до определенной грани. Ты понимаешь, о чем я... и о ком. Это очень опасные люди, Саша. **ОЧЕНЬ ОПАСНЫЕ!** И им нужны гарантии... Ау! Ты меня, вообще, слушаешь?

Художник-реставратор отложил нож и принялся полировать странного вида деревянную штуковину, с которой возился весь последний месяц. Он что-то мурлыкал себе в бороду.

– Оставь ты свою финтифлюшку! Ему о серьезных вещах, а он дурью мается... Когда ж ты повзрослеешь? Эти твои деревяшки – детский сад. Ей-богу, даже неловко. Ведь ты бригадир, на тебя наши студиозусы смотрят...

Профессор был прав. Его ученик, похоже, застрял в детстве. Все свободные часы, всё вне-рабочее умение он использовал для постройки плавающих безделок. Не кораблей, нет (такое хобби как раз не вызвало бы удивления), а чего-то совершенно невразумительного. Точнее всего было бы называть эти изделия «предметами». Причем, размера немаленького: отдельные экземпляры доходили до полуметра в длину. Детали для них реставратор Саша вырезал из сосны, затем пропитывал специальным составом, чтобы сохранялись они долгие годы... он ведь классный химик, помимо прочих достоинств, – в вопросах химии, кстати, и не сошелся с деловыми партнерами профессора Лямзина... так вот, вырезал подолгу, тщательно шлифовал, иногда расписывал, если того требовал художественный замысел, в общем, расходовал кучу сил и времени, прежде чем один-единственный предмет появлялся на свет.

Самое странное, что эти штуковины прекрасно держались на плаву – благодаря весьма изобретательной конструкции.

– ...Для сувениров они громоздки, для детских игрушек – слишком декоративны, для произведений искусства – топорны и вульгарны, – говорил профессор. – У них отсутствует функция, они изначально никому не нужны. Это никчем Ушки, Саша. Дурь – она и есть дурь...

Похожие речи разгоняли тишину над рекой буквально каждый вечер. Начальник экспедиции подсаживался к чудаковатому бригадиру, подставив закату рыхлый торс, и начинал размышлять вслух... Между тем, художника-реставратора ничуть не беспокоило отсутствие смысла в его работах. Просто каждая изготовленная им «никчемушка» воплощала какое-либо красивое слово. Закончив очередное плавсредство, умелец писал это слово на борту. И уже давно его рука вывела «Любовь», «Совесть», «Чудо», «Река» (названия пошловаты, зато точны), а в голове его бродило еще много подходящих слов, просясь наружу, вот почему он брался за инструмент...

Вверх по течению

Мастер, бывало, высказывал подмастерью все, что наболело: ну никак не мог он смириться, что тот тратит силы и деньги на бессмыслицу! Обидно было мастеру за своего работника и даже стыдно перед людьми. Сам-то он отказался от житейских благ ради великого дела. Это было так понятно – он созидал вечное. Но ради чего страдал подмастерье?

– Зачем ты закапываешь руки в грязный песок? – он горячился. – Почему не выстроишь себе настоящий дом и не женишься?

Подмастерье либо смущенно отмалчивался, либо бормотал невнятное, что-то вроде «людям радость – себе награда». И ведь не дурак он был, совсем наоборот!

– Пусть ты ставишь град маленький, на потеху бездельникам и ребяг, – продолжал мастер. – Но почему он у тебя так неразумно устроен?

– Я ставлю град волшебный, во снах виденный, – отвечал подмастерье, улыбаясь чему-то.

– Почему стену не возводишь, чучело ты огородное?! Что за град без стены?!

– Граду не нужна стена.

– А ежели враги насядут?

– Не насядут. Не будет никаких врагов.

– Кто ж их разобьет, врагов твоих?

– Так ведь, хозяин... мир – на то и мир. Людям враждовать – оно ведь несподручно.

– Тьфу, дурень! – свирепел мастер. – Золотые у тебя руки... и так их поганить?!

Он возвращался на скалу рубить надменный камень. Ибо вразумлять и совестить большого ребенка – попусту тратить время...

Песчаный город, между тем, ширился, превращался в опасное нагромождение несуразностей, и хвала Миротворцу, что весть о том не дошла пока до храмовников.

Потому что город без защитной стены – конечно, вздорная мысль, но безвинная. И угловатые, неразумно высокие дома могут кому-то показаться уродливыми, но в них также нет крамолы. И широкие прямые улицы способны вызвать лишь ухмылку. Все это не больше, чем забавы. Но вот то, что подмастерье и храмы лепил в новых обличьях, было очень подозрительно, если не сказать – кощунственно. А ведь люди имеют языки, чтобы доносить... Время шло; слуги богов не появлялись. То ли они были слишком умны, чтобы принимать дурь всерьез, то ли зеваки были слишком глупы, чтобы подмечать и делать выводы.

Мастер ждал, ждал стражников... нет, никого не тревожило поругание святынь...

Мысли и чувства его метались.

Никчемные домишки, появлявшиеся у подножья скалы, решительно не вязались с памятником! Казалось бы – чепуха, не стоившая внимания. Но... Эта дрянь постепенно покрывала берег, как плесень. И когда Покоритель Красоты родится, она могла испортить всё.

Иногда мастер с ужасом представлял, как нелепый город разрастается, обступает скалу, перекидывается на берег противоположный...

Это был плевок в лицо Совершенству.

* * *

...Так и жили они, мастер и подмастерье: прилежно трудились бок о бок в мастерской, а потом расходились по любимым тропинкам – один к скале, другой к речному берегу.

Однажды вечером, когда подмастерье делал отвар из трав, к костру вышел незнакомец, одетый, как монах. Накидка скрывала голову гостя. Отблески костра плясали по его лицу; впрочем, видны были только нос и борода.

– Берешь ли заказы, мастер? – спросил незнакомец.

– Не мастер я. А что надо?

Нужна была могильная плита. Причем, вот странность, заказчик желал, чтобы плиту украшало потешное сооружение – наподобие тех, что стояли на берегу.

– Вылепишь звонницу, – распорядился он.

– Зачем вам это? – удивился парень. – Звонницу – на могилу?

– Красиво, – ответил заказчик. – Плачу вперед.

Он хорошо заплатил, со щедростью, достойной князя. Давно подмастерье не держал столько серебра сразу.

Ни на какие иные вопросы незнакомец не пожелал отвечать – скрылся во тьме...

Подмастерье управился за неделю. Звонница из песка и яиц получилась – на загляденье.

За заказом, однако, никто не пришел. Так и стояла чудная могильная плита на дворе дома, понапрасну пугая гостей...

Тихая заводь

– ...Возмущает другое, – говорил начальник экспедиции. – Как ни странно, Санечка, твои поделки вполне смотрятся. Возможно, тебе удалось бы даже с ними выставляться. Но ведь ты и не пробовал! Ты вообще ничего не пробовал, кроме как выбрасывать их! На рынке бы ими торговал, и то был бы толк... Знаешь, иногда до слез обидно бывает наблюдать за твоими отвратительными актами мазохизма...

Дело в том, что когда изделие было готово, когда подсыхала последняя буква в названии, чужак садился в лодку, уплывал на середину реки, торжественно спускал на воду воплощенное в дереве слово... и отправлял его в свободное плавание – вниз по течению.

– В голове не укладывается! Ты просто больной. Можешь ты внятно объяснить свои поступки?

Не знал художник-реставратор, зачем и что объяснять... Однажды кто-нибудь из живущих на реке выловит большую деревянную игрушку, – примерно так думалось ему. Человек возьмет находку в руки и улыбнется. И если понравится человеку эта вещь, пусть примет ее в свой дом: отдаст дитю или поставит на полку...

Вверх по течению

Недели через две после случая с могильной плитой наступил долгожданный миг! Мастер последний раз взмахнул молотком, отбил кусок камня, и полетел этот обломочек со скалы, плюхнулся в прозрачную воду, сообщив миру, что Человек родился.

Изваяние удалось на славу. Оно вышло настолько большим, что трудно было даже разглядеть, красиво ли оно. Едва лишь замечал его путник, как тут же превращался в ничтожную пылинку – так велик был каменный богатырь, воздвигнутый над долиной.

Потратил мастер еще один день, чтобы выбить имя свое на скале, а уж потом вернулся домой – безмерно усталый и счастливый. Вынес из дома два ковша медовухи. Сел рядом с подмастерьем, который в тот момент заполнял лохань яичной массой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.